

КАРМЕН ЛУНА



ЛЮБИМАЯ  
ЖЕНА-ПОПАДАНКА  
ДЛЯ ГЕРЦОГА

КНИГА 2

Кармен Луна

**Любимая жена-попаданка для  
герцога, или я не ведьма - я врач!**

«Автор»

2026

## Луна К.

Любимая жена-попаданка для герцога, или я не ведьма - я врач! /  
К. Луна — «Автор», 2026

Вместо шелковых покоев — хижина, тесная как мысли королевского палача, а компанию составляют хмурые солдаты и рыжий говорящий кот, чей язык острее бритвы и ядовитее гадюки в брачный период. У Вайнерис в арсенале три сокровища: медицинские знания из другого мира, упрямство, способное соперничать с осадной стеной, и герцог Райнар — мужчина столь же опасный, как зимняя буря, и столь же необходимый, как воздух. В королевстве, где интриги множатся быстрее кроликов весной, а за её голову дают награду, на которую можно купить небольшой город, ей предстоит превратить отчаяние в триумф.

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Аннотация:                        | 6  |
| Глава 1                           | 7  |
| Глава 2                           | 12 |
| Глава 3                           | 19 |
| Глава 4                           | 25 |
| Глава 5                           | 29 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 33 |

**Кармен Луна**  
**Любимая жена-попаданка для**  
**герцога, или я не ведьма - я врач!**

Любимая жена-попаданка для герцога

Кармен Луна

## **Аннотация:**

Вместо шелковых покоев — хижина, тесная как мысли королевского палача, а компанию составляют хмурые солдаты и рыжий говорящий кот, чей язык острее бритвы и ядовитее гадюки в брачный период.

У Вайнерис в арсенале три сокровища: медицинские знания из другого мира, упрямство, способное соперничать с осадной стеной, и герцог Райнар — мужчина столь же опасный, как зимняя буря, и столь же необходимый, как воздух. В королевстве, где интриги множатся быстрее кроликов весной, а за её голову дают награду, на которую можно купить небольшой город, ей предстоит превратить отчаяние в триумф.

## Глава 1

Есть такая замечательная фраза: "Из огня да в полымя." Так вот, я, Вайнерис, герцогиня Ревенторская, теперь могу с полной уверенностью заявить, что эту чудесную народную мудрость придумал какой-то оптимист. Потому что моя ситуация больше походила на "из костра на плаху, а оттуда прямиком в бездомные скитальцы по лесам с королевской наградой за мою прелестную голову."

Впрочем, всё по порядку.

Сказать, что мы сбежали из столицы, было бы таким же преуменьшением, как назвать драконий пожар "небольшим возгоранием". Мы не просто сбежали — мы катапультировались из этого осинового гнезда предательства и интриг с такой скоростью, что у моих волос наверняка остался огненный след, как у падающей звезды. Ещё бы! Когда тебя собираются поджарить на главной площади, а твой муж-герцог, по совместительству брат того самого короля, который решил устроить мне огненные ванны, планирует устроить переворот — особо выбирать не приходится.

И вот теперь я стою посреди какой-то богами забытой хижины в самой чаще леса, где паутина висит такими художественными гирляндами, что любой дворцовый декоратор удивился бы от зависти. Хижина, к слову, настолько мала, что даже мой кот Василиус (да-да, тот самый говорящий кот, который сейчас разглядывает меня с высоты полуразвалившегося шкафа с выражением "я же говорил" на рыжей морде) назвал её "коробкой для обуви с претензией на архитектуру".

— Уютненько, — выдавил Василиус, обмахиваясь хвостом, словно веером. — Особенно мне нравится этот аутентичный запах плесени. Такой... естественный.

— Заткнись, — прошипела я, пытаюсь отряхнуть с платья остатки лесной грязи. Когда убегаешь от королевской стражи, как-то не до выбора маршрута по самым чистым тропинкам.

Снаружи послышались шаги, и через мгновение дверь распахнулась, впуская в хижину порыв холодного ветра и моего мужа, герцога Райнара. Воистину, этот мужчина умудрялся выглядеть по-королевски даже в потрёпанной рубашке, с грязью на сапогах и встрёпанными после бешеной скачки волосами. Мне стало обидно — почему он выглядит как герой приключенческого романа после лёгкой потасовки, а я как ведьма, вылезшая из болота после недельного запоя?

— Периметр безопасности установлен, — произнёс он тем своим фирменным голосом, от которого у меня всегда по спине бегут мурашки размером с крысу. — Люди расставлены по ключевым точкам. При первых признаках опасности мы узнаем заранее.

— Замечательно, — я скрестила руки на груди. — А теперь объясни мне, как, во имя всех святых зелий, мы оказались в этой дыре?

Василиус фыркнул с такой силой, что чуть не свалился со шкафа.

— О, я не знаю, — саркастически протянул кот. — Может быть потому, что твой мужёк решил пойти против короля? Или потому, что тебя едва не сожгли как ведьму? Выбирай любой вариант, оба восхитительны.

Райнар метнул в кота такой взгляд, что будь Василиус обычным питомцем, он бы уже превратился в шкурку на полу. Но наш рыжий нахал лишь ещё шире оскалился, демонстрируя впечатляющий набор острых зубов.

— Мы в безопасности, — твёрдо сказал Райнар, поворачиваясь ко мне. — Это старая охотничья хижина на земле, о которой знают немногие. Даже мой брат не подозревает о её существовании.

— Восхитительно, — я плюхнулась на единственный стул, который тут же отозвался жалобным скрипом. — Значит, наш план теперь — прятаться в лесу, как какие-то разбойники?

— Наш план, — Райнар опустился передо мной на одно колено, взяв мои руки в свои, — выжить. Собрать силы. И вернуться, чтобы всё исправить.

Я посмотрела в его глаза — серые, как грозовое небо, и такие же опасные. Что-то в них заставило меня вспомнить, как всего несколько часов назад я стояла на эшафоте, привязанная к столбу, а толпа ревела, требуя моей крови. И как в последний момент, когда палач уже поднёс факел, Райнар ворвался на площадь с отрядом верных людей, словно ангел мщения, только гораздо более смертоносный и чертовски привлекательный.

— Холодно, — пробормотала я, внезапно ощутив, как дрожь пробирает меня до костей. Адреналин постепенно отступал, оставляя место изнеможению и осознанию того, как близко я была к смерти.

Не говоря ни слова, Райнар снял свой плащ и укутал меня, словно драгоценность. Его руки задержались на моих плечах, тепло проникало сквозь ткань, и на мгновение мир перестал быть таким ужасным местом.

— Нам нужны лекарства, — сказала я, пытаюсь собраться с мыслями. — Травы. Припасы для лечения. Я должна составить список.

— Ты должна отдохнуть, — возразил Райнар.

— Я отдохну, когда умру. О, подождите, это ведь почти произошло сегодня! — Я нервно рассмеялась.

Райнар вздохнул с тем особенным терпением, которое приберегал исключительно для меня.

— Ты самая упрямая женщина во всех известных мирах, Вайнерис.

— А ты только сейчас это понял? — Я слабо улыбнулась. — Бумагу и перо, если у вас тут такие роскошества водятся. Я составлю список трав, которые нужно найти.

Следующие несколько часов прошли в лихорадочной деятельности. Хижина, бывшая не больше скорлупы грецкого ореха для титанов, постепенно превращалась в нечто, отдалённо напоминающее жилое помещение. Я отправила людей Райнара на поиски трав по составленному списку, удивляясь про себя, как эти brave воины, способные снести голову противнику одним махом меча, так трепетно записывали названия ромашки и мяты, словно это были заклинания массового уничтожения.

Василиус, этот пушистый комок сарказма, вызвался исследовать окрестности. "Я пушистый и рыжий, — заявил он. — В худшем случае меня примут за лису с неординарной внешностью."

Когда стемнело, Райнар развёл костёр в старом очаге. Огонь осветил хижину, отбрасывая танцующие тени на стены, и впервые за этот безумный день я почувствовала что-то похожее на спокойствие.

— Вот, — Райнар протянул мне деревянную миску с чем-то, подозрительно напоминающим суп. — Не дворцовая кухня, но голод утолит.

Я с сомнением посмотрела на содержимое миски. По поверхности плавали неопознанные объекты, которые, возможно, когда-то были овощами, а может, и мелкими лесными зверушками — кто знает.

— Выглядит... интересно, — дипломатично заметила я.

— Выглядит так, словно оно может самостоятельно выползти из миски и напасть, — прокомментировал вернувшийся Василиус, запрыгивая на лавку рядом со мной.

Райнар наградил кота очередным убийственным взглядом.

— Если тебе не нравится, можешь поохотиться на мышей.

— О, это предложение! — оживился Василиус, облизнувшись. — Пожалуй, так и сделаю. По крайней мере, я буду точно знать, что ем.

Кот грациозно соскочил с лавки и направился к двери, которую Райнар услужливо открыл для него с преувеличенной вежливостью.

Когда мы остались одни, наступила тишина — не неловкая, а наполненная невысказанными словами и эмоциями дня. Я медленно ела суп, который на вкус оказался гораздо лучше, чем на вид, и наблюдала за Райнаром. Он сидел напротив меня, глядя на огонь, его профиль, вырезанный светом и тенью, казался высеченным из камня.

— Я должен был предвидеть это, — внезапно произнёс он, не отрывая взгляда от пламени. — Должен был знать, что Эванна не успокоится, пока не уничтожит тебя.

Леди Эванна, фаворитка короля и мой персональный демон в юбке. Женщина, чья ненависть ко мне достигла таких высот, что рядом с ней даже горные пики казались бы холмиками.

— Ты не можешь предвидеть всё, — я отставила пустую миску. — Даже ты, мой грозный герцог.

Его губы тронула лёгкая улыбка, но глаза остались серьёзными.

— Когда я увидел тебя там, привязанную к столбу... — его голос стал тише, в нём прорезались опасные нотки, от которых мурашки побежали по моей спине. — Я бы сжёг весь мир, чтобы ты больше никогда не стояла у столба.

От его слов у меня перехватило дыхание. Этот мужчина, с его тёмной решимостью и безграничной преданностью, иногда пугал меня — и всегда восхищал.

— Ну, надеюсь, до этого не дойдёт, — я попыталась разрядить атмосферу. — Мне нравится этот мир. По крайней мере, некоторые его части.

Наши взгляды встретились через пространство, разделявшее нас, и в его глазах я увидела такой голод, что внутри всё сжалось в сладком предвкушении.

Дверь распахнулась, впуская Василиуса вместе с порывом ночного ветра.

— Ух, какая драматичная атмосфера, — прокомментировал кот, отряхивая лапы. — Прямо как в тех любовных романах, которые ты тайком читала во дворце, Вайнерис.

Я почувствовала, как щёки заливают румянец.

— Я понятия не имею, о чём ты говоришь.

— Конечно-конечно, — промурлыкал Василиус, запрыгивая на стол и устраиваясь там, как какой-нибудь пушистый лорд на троне. — А те книжки с изображением полуобнажённых мужчин на обложке были чисто медицинскими пособиями, я полагаю?

Райнар поднял бровь, и я готова была поклясться, что в уголках его губ притаилась усмешка.

— Заткнись, Василиус, — прошипела я. — Или я забуду добавить рыбу в список припасов.

— Жестоко, — покачал головой кот. — Но я прощу тебя, потому что у меня есть новости. И они не из приятных.

Мы с Райнаром мгновенно подобрались. Василиус, при всей своей язвительности, никогда не шутил о серьёзных вещах.

— Говори, — коротко приказал Райнар.

— Королевские поисковые отряды, — Василиус облизнул лапу, но в его глазах не было обычного самодовольства. — Они прочёсывают лес. Пока в паре миль отсюда, но направляются в нашу сторону.

Райнар выругался — тихо, но с таким чувством, что я почти восхитилась его словарным запасом.

— Как быстро они движутся? — спросил он.

— Пока сбились со следа, — Василиус перестал умываться и посмотрел на Райнара. — Но две мили — это рядом. На ночь я бы им не доверял. Уйдут к тракту — выиграем время. Найдут нашу тропу — придётся бежать сразу.

— Нужно укрепить наблюдательные посты, — Райнар поднялся, уже мысленно планируя. — И подготовить пути отхода, на случай если...

— На случай если целая королевская армия решит поиграть с нами в кошки-мышки? — Я тоже встала. — Прекрасная перспектива.

Райнар подошёл ко мне, обхватил лицо ладонями — его руки были тёплыми и удивительно нежными для человека, способного управляться с мечом так, словно тот был продолжением его тела.

— Мы справимся, — в его голосе звучала абсолютная уверенность. — Ты и я. Мы выжили в худших ситуациях.

— Технически, — подал голос Василиус, — сегодняшняя ситуация с несостоявшимся сожжением была худшей до настоящего момента. Так что это заявление не совсем корректно с точки зрения хронологии.

— Василиус, — Райнар даже не повернул головы к коту, — иди проверь, не нужна ли твоя помощь страже.

— Изгоняете самого информированного члена команды? — фыркнул кот, но всё же направился к выходу. У двери он остановился и оглянулся на нас. — Кстати, Вайнерис, — добавил он с той особой интонацией, которая всегда предвещала какую-нибудь колкость, — ты теперь не просто лекарь. Ты символ сопротивления. И да, он сохнет по тебе хуже, чем трава на солнце.

Дверь захлопнулась за наглым котом прежде, чем я успела найти что-то достаточно тяжёлое, чтобы бросить в него.

Райнар тихо рассмеялся, его дыхание тёплой волной коснулось моего лица.

— Этот кот слишком много болтает.

— И всё-таки он прав, — я подняла взгляд на Райнара. — Насчёт меня как символа. Люди видели, как ты спас меня от казни. Они говорят. Слухи распространяются.

— Пусть говорят, — его голос стал ниже, в нём появились те опасные нотки, от которых у меня всегда перехватывало дыхание. — Пусть все знают, что я не позволю никому причинить тебе вред.

В его словах слышалась клятва, древняя и неумолимая, как сама земля под нашими ногами. И я верила ему — этому мужчине, который пошёл против собственного брата-короля, чтобы спасти меня.

Ночь опустилась на лес, укрывая хижину плотным покрывалом тьмы, прорезанным лишь серебряными иглами лунного света, проникающими сквозь щели в крыше. Свободные от дозора люди, измотанные безумным днём, один за другим засыпали, устроившись кто где смог — на лавках, на полу, прислонившись к стенам.

Я лежала на узкой лежанке в углу хижины, завернувшись в плащ Райнара, который всё ещё хранил его запах — сталь, кожа и что-то неуловимо мужское, от чего у меня кружилась голова. Сон не шёл, несмотря на усталость. Каждый раз, когда я закрывала глаза, перед внутренним взором вставала картина: разъярённая толпа, факелы, ощущение верёвок, впивающихся в запястья...

Послышались тихие шаги, и я почувствовала, как кто-то опускается рядом со мной на тесную лежанку. Я не открыла глаза — мне не нужно было видеть, чтобы знать, что это Райнар. Его присутствие ощущалось каждой клеточкой тела, словно у меня был встроенный компас, всегда указывающий на него.

Он лёг позади меня, его тело идеально подстроилось под изгибы моего, как две части единого целого. Его рука осторожно обвила мою талию, притягивая ближе, и я почувствовала его тёплое дыхание на своей шее.

— Прости, что не успел раньше, — прошептал он, и в его голосе слышалась такая боль, что моё сердце сжалось.

Я молча переплела свои пальцы с его, прижимая наши соединённые руки к своему животу. Слова были не нужны — мы понимали друг друга без них, в этой тишине, наполненной тихим дыханием спящих людей и далёким уханьем совы.

Рядом с ним, окружённая его теплом и силой, я наконец почувствовала, как напряжение покидает моё тело. Возможно, завтра нас ждёт погоня. Возможно, нам придётся бежать ещё дальше в лес, скрываться, как диким зверям. Возможно, впереди ещё множество опасностей и испытаний.

Но сейчас, в этом моменте, в этой тесной хижине, которая казалась надёжнее любого дворца, потому что в ней был он, я чувствовала странное спокойствие. Словно после долгого, изматывающего пути я наконец вернулась домой.

И с этой мыслью я погрузилась в сон, всё ещё ощущая его руку вокруг своей талии — якорь в бушующем море жизни, которая, казалось, только начиналась заново.

## Глава 2

Знаете, что самое сложное в создании полевой лаборатории из подручных средств в лесу? Нет, не отсутствие реактивов, не примитивное оборудование, и даже не настороженные взгляды воинов, которые смотрят на тебя, как на ведьму, хотя... стоп. Они и правда считают меня ведьмой. Но это сейчас не главное. Самое сложное — постоянно сдерживаться, чтобы не заорать во все горло: "МОЙТЕ РУКИ, ВАРВАРЫ!"

Мне, Вайнерис, нынешней беглой герцогине с наградой за голову, приходилось проявлять чудеса дипломатии. Особенно когда один из воинов Райнара предложил использовать для лечебной мази воду из той же лужи, где они утром поили лошадей.

— Ты что, хочешь, чтобы я лечила раны конской слюной? — Я выгнула бровь так высоко, что она рисковала слиться с линией волос. — Может, сразу навоз предложишь в качестве противогнилостного средства?

Бедняга побледнел, словно увидел призрак своей прабабушки, танцующей канкан.

— Н-но моя мать всегда говорила, что вода из природных источников целебная...

— А моя советовала сначала посмотреть, кто в этой воде копыта мыл, — отрезала я, возвращаясь к ступке. — Неси из родника, выше водопоя. И всё равно будем кипятить.

Райнар, этот ходячий монумент мужской красоты и королевской гордости, наблюдал за моими манипуляциями с выражением, которое варьировалось от глубокого восхищения до полного непонимания.

— Тебе нужна помощь? — спросил он, приближаясь с таким достоинством, будто не в лесной хижине стоял, а в тронном зале принимал иностранные делегации.

— Только если ты прошёл полный курс травничества в подпольной академии целителей, — ответила я, не поднимая глаз от ступки. Затем, смягчившись (он всё-таки рискнул титулом и жизнью, чтобы спасти мою жизнь), добавила: — На самом деле, мне нужен кто-то с сильными руками. Эти корни нужно измельчить в пыль.

Райнар молча взял у меня ступку, его пальцы случайно коснулись моих. Случайно ли? Электрический разряд пробежал между нами, и я мысленно выругалась. Даже после нескольких месяцев брака, даже после того, как мы делили постель и жизнь, этот человек одним прикосновением мог превратить меня из опытного лекаря в трепещущую девчонку.

Он взял пестик и начал методично растирать корни, его движения были такими же точными и уверенными, как и всё, что он делал. Я невольно залюбовалась игрой мышц на его руках. Моё девятнадцатилетнее тело вели себя весьма предсказуемо при виде такого зрелища.

— Ты смотришь на меня, — заметил он, не прекращая работы.

— Просто проверяю технику, — соврала я настолько неубедительно, что даже не пыталась скрыть улыбку.

— Конечно, — уголки его губ дрогнули в той полуулыбке, которая заставляла моё сердце выписывать акробатические трюки, достойные лучших циркачей. — Я просто измельчаю корни, а не исполняю танец со шпагой.

— С твоей грацией даже измельчение корней выглядит как королевский балет, — вырвалось у меня, и я тут же мысленно отвесила себе подзатыльник. Нашла время для флирта!

Но Райнар лишь тихо рассмеялся, его плечи расслабились на мгновение. Я вдруг поняла, что со вчерашнего дня это был первый раз, когда я видела его не в напряжении. Вчера... Вчера, когда мы убегали из столицы, когда за нами гналась стража, когда судьба королевства висела на волоске из-за меня... и вот мы здесь, в лесу, как какие-то разбойники, а я заигрываю с ним над ступкой с травами.

Василиус выбрал именно этот момент, чтобы материализоваться, словно рыжее привидение.

— О, какая идиллическая сценка, — промурлыкал он, запрыгивая на стол и разваливаясь среди моих травяных запасов с таким видом, словно это его личная территория. — Герцог и герцогиня играют в аптекарей. Как мило.

— Не мог бы ты НЕ лежать на мяте? — Я попыталась согнать наглого кота, но он лишь перевернулся на другой бок.

— Это лишь улучшит её вкус, — заявил он. — Считай это особой кошачьей обработкой. Райнар фыркнул, но продолжил работу.

— Есть новости? — спросил он у кота, очевидно, желая перевести разговор в более конструктивное русло.

— О да, — Василиус потянулся, демонстрируя удивительную гибкость своего рыжего тела. — Хорошие и плохие. С каких начать?

— С плохих, — хором ответили мы с Райнаром.

— Ммм, вы уже так синхронизировались, как старая супружеская пара, — поддразнил кот. — Ладно, плохие новости: к нам направляются первые пациенты. Трое раненых с площади и местная женщина с больным ребёнком. Хорошие новости: вы популярнее, чем праздничные подарки у детей. Люди говорят о "чудесном спасении герцогини-лекаря" и о том, как "благородный герцог бросил вызов тирании".

Я застонала.

— Кто распространяет эти истории? Мы же только вчера сбежали!

— Новости в этом королевстве разносятся быстрее, чем вши в солдатской казарме, — философски заметил Василиус. — Особенно если они касаются почти сожжённой ведьмы и мятежного герцога. Вы теперь что-то вроде народных героев.

— Народных героев, которых король хочет видеть с головами на пиках, — мрачно добавил Райнар.

— Мелочи жизни, — отмахнулся Василиус хвостом.

Не успел кот договорить, как в хижину постучали. Райнар мгновенно напрягся, его рука инстинктивно потянулась к мечу.

— Свои, — раздался голос Альда, капитана стражи Райнара. — У нас раненые.

Я встретилась взглядом с Райнаром, и он кивнул. Я глубоко вздохнула, собираясь с силами. Моя личная импровизированная клиника была готова к открытию.

Первым пациентом оказался Гордон, кряжистый воин с глубоким порезом на предплечье — результат вчерашней стычки на площади. Края раны воспалились; под засохшей кровью застряла грязь. Сначала промыть, осмотреть, убрать всё лишнее. А запасы моего плесневого экстракта почти кончились. Когда-то я сгоряча называла его пенициллином, словно знакомое слово могло заменить лабораторию. Теперь знала хотя бы одно: местная культура вела себя иначе, чем земная, и ставить между ними знак равенства было нельзя. Я сохранила образец удачной партии, вела записи и выбраковывала всё подозрительное. Случайный налёт с испорченного хлеба больше не попадал к пациентам. Первое отчаянное везение — ещё не метод лечения.

— Будет неприятно, — предупредила я, пододвигая остывшую кипячённую воду и чистую ткань. — Держи руку спокойно. Чем лучше вычистим рану сейчас, тем меньше хлопот потом.

— Я не боюсь боли, миледи, — гордо ответил Гордон с видом человека, готового к пыткам. — А что за "зелёное лекарство"?

— Экстракт из особой культуры плесени, — я удержала его руку, заметив, как он дёрнулся. — Только не вздумай соскабливать зелень с обеда. Испорченный хлеб — в мусор, а не в рану.

Гордон побледнел так, что стал практически прозрачным.

— В-вы шутите, миледи?

— О лечении я предпочитаю объяснять, — ответила я уже без улыбки. — Некоторые плесневые культуры выделяют вещества против бактерий. Но плесень сама по себе лекарством не становится. Здесь важны и обработка, и состав, и наблюдение за больным. А сейчас мне нужна твоя неподвижная рука, герой.

Когда вода добралась до обнажённой ткани, Гордон зашипел сквозь зубы. Я остановилась, дала ему перевести дух и продолжила осторожнее. Его проклятия стали тише, но изобретательности не потеряли.

— Самое неприятное позади, — сказала я, закрепляя чистую повязку. — К вечеру посмотрю снова. Если боль усилится или начнётся жар, сразу зови. Терпеть назло врагу будем в другой раз.

— У вас удивительные методы, миледи, — прохрипел Гордон, бледный как полотно. — Никогда не видел, чтобы лекарь кипятил бинты.

— Поверь мне, то, что ты не видишь в бинтах, гораздо страшнее, чем то, что видишь, — туманно ответила я, перевязывая его руку. — Кстати, мне нужен хлеб. Много хлеба. Чтобы выращивать ту самую плесень.

Гордон сглотнул с таким звуком, будто в его горле застрял кулак.

— Я... я скажу ребятам, миледи.

— И чистые закрывающиеся ёмкости, — добавила я, похлопав его по здоровому плечу. — Мой образец надо сохранить отдельно от всякой дряни. Перепутаете коробки — будете слушать лекцию. Длинную.

Следующим был Эрик, юный лучник с вывихнутым плечом. Вправление прошло под аккомпанемент такого красочного набора проклятий, что я узнала несколько новых слов.

— Интересная лексика, — заметила я, помогая парню зафиксировать руку. — В школе целителей такому не учат.

— Простите, миледи, — покраснел он. — Я не хотел...

— О, не извиняйся, — я подмигнула ему. — Я сама знаю несколько выражений, от которых у тебя уши свернутся в трубочку. Правда, большинство из них касаются анатомии настолько точно, что ты, возможно, не поймёшь всей глубины метафор.

К вечеру через мои руки прошло около десятка пациентов. Последней была Марта, молодая женщина с сыном лет пяти, у которого был жар и кашель. Похоже на респираторную инфекцию; пока он дышал спокойно и мог пить. Недоедание и дурной уход сил ему не прибавляли.

— Я всё перепробовала, миледи, — тихо сказала Марта, нервно теребя край своей потрёпанной юбки. — И отвар из мха, и паучьи лапки, и даже кровь летучей мыши, как знахарка советовала...

Я с трудом подавила желание закатить глаза к небу. Паучьи лапки! Кровь летучей мыши! Да с таким подходом к лечению удивительно, что в этом мире вообще кто-то доживает до совершеннолетия.

— Марта, — как можно мягче сказала я, — забудь про паучьи лапки. Твоему сыну нужно тепло, чистая вода и отвар из трав, который я тебе дам. И никаких кровей, никаких частей животных, и ради всего святого, никакого мха с деревьев!

Я приготовила отвар из мяты, ромашки и мёда, который один из разведчиков нашёл в заброшенном улье неподалёку. Не чудо-лекарство, конечно, но тёплое питьё могло смягчить кашель и помочь восполнить потерю жидкости.

— И вот ещё, — я задержала её за руку, поймав тревожный взгляд. — Утром покажешь его мне снова. Если станет тяжело дышать, перестанет пить или будет трудно разбудить — зови немедленно. Не жди вечера и не пробуй новые снадобья.

Марта прижала к себе горшочек и кивнула, повторяя мои слова одними губами.

— А зелёное лекарство ему не нужно? — спросила она с надеждой.

— Сейчас я не вижу для него оснований, — мягко ответила я. — Лекарство выбирают под болезнь, а не под страх. Я осмотрю мальчика ещё раз.

— Спасибо, миледи, — Марта приняла горшочек с отваром, как величайшее сокровище. — Со вчерашнего дня молюсь за вас — как услышала о вашем спасении.

— Скорее, о чудесном спасении моим мужем, — поправила я. — Он настоящий герой этой истории.

Марта покачала головой.

— Вы оба герои, миледи. Люди говорят, что вы лечите болезни, которые официальные лекари не могут вылечить. Говорят, что вы знаете тайны, скрытые от обычных смертных.

О да, тайны чистоты и элементарной гигиены. Настолько сокровенные знания, что за них здесь можно угодить на костёр.

— Я просто знаю немного больше о травах и о том, как работает человеческое тело, — дипломатично ответила я. — Никакого колдовства, просто... наблюдательность.

Когда Марта с сыном ушли, я обессиленно опустилась на лавку. День выдался настолько насыщенным, что мои руки тряслись от усталости. Я закрыла глаза, позволяя себе момент слабости.

— Запас экстракта почти кончился, — пробормотала я. — Нужно сохранить культуру и наладить работу заново. И не в тех условиях, что в замковой лаборатории...

Тёплые руки опустились на мои плечи, начиная разминать напряжённые мышцы. Я не открыла глаза — не нужно было видеть, чтобы знать, что это Райнар. Его прикосновения я узнала бы из тысячи.

— Ты творишь чудеса, — тихо сказал он, массируя мои плечи с такой осторожностью, словно я была из тончайшего стекла. — Люди уже говорят о тебе как о святой.

— Ирония, — я слабо улыбнулась, откидывая голову назад, чтобы упереться в его живот. — Ещё вчера меня собирались сжечь как ведьму, а сегодня я уже святая. Этот мир страдает от крайне переменчивого характера.

Его тихий смех согрел меня больше, чем любой огонь.

— Я распорядился, чтобы тебе принесли хлеб для твоего... эксперимента, — сказал он, продолжая массировать мои плечи. — Альд сказал, что Гордон был весьма настойчив в своей просьбе. Что-то о зелёном лекарстве, которое страшнее пытки?

Я не сдержала смехок.

— Хотела пошутить, а вышло запугивание пациента, — призналась я с досадой. — Усталость — скверный юморист. В следующий раз объясню спокойнее.

— Ты полна сюрпризов, моя маленькая ведьма, — прошептал он, наклоняясь и касаясь губами моей макушки.

— Ты ещё не видел, как я меняю повязки, — поддразнила я. — Вот где настоящая магия.

— Ты же знаешь, что мы не можем оставаться здесь долго, — в его голосе прорезались серьёзные нотки. — Чем больше людей приходит к тебе за помощью, тем больше риск, что кто-то выдаст нас.

— Я знаю, — я открыла глаза и посмотрела на него снизу вверх. — Но я не могу отказать людям в помощи, Райнар. Это... против моей природы. К тому же, мне нужно время, чтобы вырастить новую партию плесени. Ты не представляешь, как это примитивное лекарство важно для тяжёлых случаев.

Он наклонился и неожиданно нежно поцеловал меня в лоб.

— Я не прошу тебя отказываться. Я лишь хочу, чтобы ты была осторожна. Я не переживу, если с тобой снова что-то случится.

Наши взгляды встретились, и на мгновение весь мир сузился до его серых глаз, в которых отражалось столько эмоций, что их хватило бы на целую поэму.

Дверь распахнулась с такой силой, что едва не слетела с петель, эффективно разрушая момент. На пороге стояла Агнесса, молодая девушка из ближайшей деревни, которая пришла утром с ушибленным запястьем и осталась помогать мне с пациентами. Тёзка нашей домоправительницы — только младше и гораздо проворнее. Старшая Агнесса ушла с беженцами к условленному убежищу; Райнар отправил с ними охрану. В её глазах плескалась паника.

— Миледи! Милорд! Беда! — выпалила она. — Королевские солдаты в деревне! Спрашивают о странных людях в лесу!

Райнар мгновенно преобразился. Нежный, заботливый муж исчез, уступив место воину и стратегу.

— Сколько их? — отрывисто спросил он.

— Отряд из десяти человек, милорд, — ответила Агнесса, всё ещё пытаюсь отдышаться. — Они остановились в таверне, расспрашивают всех подряд.

Райнар повернулся ко мне, его лицо стало жёстким, как высеченное из камня.

— Нам нужно уходить. Немедленно.

— Но мои травы, мои лекарства! — Я обвела рукой импровизированную лабораторию, которую с таким трудом создавала весь день. — И моя плесень! Я только начала выращивать новую партию!

— Возьмём всё, что сможем унести, — твёрдо сказал он. — У нас есть час, не больше.

Я знала, что он прав, но сердце сжималось при мысли о том, что всё приходится начинать заново. Впрочем, не в первый раз.

— Агнесса, — я повернулась к девушке, — ты хорошо справлялась сегодня. Хочешь стать моей помощницей на постоянной основе?

Её глаза расширились от удивления и восторга.

— Миледи, я... я была бы счастлива! Но мои родители...

— Пошлём к ним человека, — я посмотрела на Райнара, уже отдававшего распоряжения. — Пусть знают, куда ты идёшь и с кем. Мы уводим помощницу, а не похищаем дочь.

Она перестала теребить передник и выдохнула. Ответ принёс один из людей Альда перед самым отъездом: родители благословляли её, но просили прислать весточку при первой возможности. Девушка прижала их узелок к груди, и мне пришлось отвернуться — слишком уж защипало глаза.

— Начинай собирать травы, — велела я ей. — Самые важные в первую очередь. И не забудь мою коробочку с плесенью! Заверни её хорошенько, чтобы не раздавить.

Пока девушка занималась травами, я лихорадочно записывала рецепты и формулы на клочках пергамента. Пусть у меня не было доступа к готовым лекарствам, но я могла воссоздать некоторые базовые снадобья из местных ингредиентов. Если бы только у меня было больше времени...

Василиус появился словно из ниоткуда, запрыгнув на стол прямо перед моим носом.

— Не хочу нагнетать, но те солдаты — всего лишь авангард, — сообщил он, нервно подёргивая хвостом. — За ними идёт основной отряд. И они не просто ищут — они знают, куда идти.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Кто-то выдал нас?

— Или что-то, — мрачно ответил кот. — Слишком много следов, слишком много людей приходило сюда. Даже самый тупой следопыт смог бы найти это место по протоптанным тропинкам.

Райнар материализовался рядом, словно призрак.

— Всё готово, — сказал он. — Лошади оседланы, люди собраны. Нам нужно двигаться на восток, к горам. Там есть пещеры, где мы сможем укрыться.

— А как же деревня? — Я кивнула в сторону, откуда пришла Агнесса. — Если король узнает, что они помогали нам...

Тень пробежала по лицу Райнара.

— Я послал людей предупредить старосту. Они успеют придумать убедительную историю.

Я знала, что это лучшее, что мы могли сделать в данной ситуации, но всё равно чувствовала себя виноватой. Эти люди рисковали всем, помогая нам, и теперь могли поплатиться за своё милосердие.

Василиус, словно прочитав мои мысли, мягко боднул меня головой в плечо.

— Эй, перестань так мрачно смотреть. Деревенские не дураки. Они скажут, что помогали вам под страхом смерти, и всё. Райнар — всё-таки герцог и брат короля, ему не сложно запугать нескольких крестьян.

— Это не меняет того факта, что из-за нас они в опасности, — возразила я.

— А из-за короля в опасности всё королевство, — парировал кот. — Так что в общем балансе мирового зла вы всё ещё на стороне добра. А теперь хватит философствовать и пакуй свои волшебные травки и плесень, пока нас всех не арестовали!

Покидать хижину было одновременно страшно и облегчающе. Страшно — потому что мы снова оказывались без крыши над головой, облегчающе — потому что находиться в одном месте, зная, что за тобой охотятся, было всё равно что сидеть на пороховой бочке и ждать, когда же она взорвётся.

Я ехала на лошади позади Райнара, крепко обхватив его за талию. В специальной сумке на поясе у меня была заботливо упакованная Агнессой коробочка с растущей плесенью — моя надежда на создание нового запаса лекарства. Василиус устроился в корзине, прикреплённой к седлу, что было крайне унижительно для кота его достоинства, но необходимо для скорости передвижения. Агнесса ехала с одним из воинов, крепко держась за него и выглядя одновременно испуганной и восторженной.

Когда мы отъехали достаточно далеко, я оглянулась на хижину, которая уже почти скрылась за деревьями. Всего один день — и она уже стала чем-то вроде дома, местом, где я начала новую жизнь после того, как едва не потеряла старую на эшафоте.

— Не смотри назад, — тихо сказал Райнар, словно почувствовав мой взгляд. — Смотри вперёд. Там наше будущее.

— А какое оно, наше будущее? — спросила я, прижимаясь щекой к его спине и вдыхая такой знакомый запах кожи, металла и его собственный, неповторимый аромат. — Вечно бегать от твоего брата? Скрываться по лесам, как дикие звери? Выращивать плесень в походных условиях?

Он на мгновение накрыл мои руки своими, его пальцы были тёплыми, несмотря на прохладный вечерний воздух.

— Наше будущее — это королевство, где людей не сжигают за знания и где правят справедливость и разум, а не страх и предрассудки. Где твоя плесень будет спасать жизни в чистых лечебницах, а не в лесных хижинах.

Я услышала в его голосе такую уверенность, что на мгновение поверила, что всё именно так и будет. Что мы не просто беглецы, а вестники новой эпохи.

— Королевство без короля? — Я не удержалась от лёгкой подколки.

— Королевство с правильным королём, — ответил он с такой убеждённостью, что я почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— И кто же этот правильный король? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Тот, у кого будет правильная королева, — он повернул голову, и я увидела его профиль, жёсткий и решительный, как у древней статуи. — Ты сделаешь из меня хорошего короля,

Вайнерис. Лучшего, чем мой брат. Того, кто поддержит твои лечебницы и твою плесень, а не попытается сжечь тебя за них.

Я крепче обняла его, прижимаясь всем телом, чувствуя, как бьётся его сердце, сильное и ровное, как и всё в этом удивительном мужчине.

— Для начала, давай сделаем из тебя хорошего беглеца, — шепнула я ему на ухо, и была вознаграждена коротким смешком, который словно разрядил напряжение момента.

Мы продолжали двигаться сквозь лес, увозя с собой не только травы и припасы, но и надежду. Надежду на будущее, где я смогу лечить без страха быть сожжённой, где Райнар сможет править без тирании, и где даже такие странные создания, как говорящий кот Василиус, смогут найти своё место.

Впереди нас ждало множество испытаний, но в тот момент, прижимаясь к спине человека, который бросил вызов целому королевству ради меня, я чувствовала странное спокойствие. Словно, несмотря на все опасности, я наконец нашла своё место в этом мире.

И, возможно, даже свою судьбу.

## Глава 3

Если бы кто-то год назад сказал мне, Вайнерис, нынешней герцогине в изгнании, что я буду обустривать поселение беглецов в лесной глуши, я бы порекомендовала этому человеку хорошего лекаря для головы. Или сама бы обратилась к такому — тут уж как посмотреть.

Но вот она я, посреди леса, который с каждым днём всё меньше напоминал дикие заросли и всё больше — импровизированную деревню. Мы добрались до пещер, а возле них, в укрытой лесом ложбине, поставили навесы и шалаши: в каменной сырости всем не разместиться. За две недели с момента нашего стремительного бегства от королевских солдат крошечный лагерь, первоначально состоявший из меня, Райнара и горстки его верных людей, разросся до размеров небольшого поселения. И, честно говоря, я не до конца понимала, хорошо это или плохо.

— Шесть новых человек с утра, — сообщил Василиус, запрыгивая на пень рядом со мной. — Похоже, наш лагерь растёт быстрее, чем плесень в твоих банках.

Я оторвалась от процесса измельчения корня валерианы, который, судя по запаху, в этом мире был даже более вонючим, чем обычно.

— Шесть? — Я нахмурилась. — Райнар говорил только о семье кузнеца — это четыре человека.

— Ну, знаешь, — кот невозмутимо вылизывал лапу, как будто сообщал о погоде, а не о потенциальной катастрофе, — ты спасла ребёнка деревенского кузнеца от лихорадки с помощью своей знаменитой плесени, вот он и решил отблагодарить. Притащил всю свою семью и телегу с инструментами. А потом явились ещё двое — братья-охотники. Сказали, что раз уж вы собираетесь свергать тирана, вам пригодятся хорошие следопыты.

Я застонала, запустив пальцы в волосы. Они уже не были аккуратно уложены, как во дворце, а напоминали воронье гнездо после урагана.

— Мы не собираемся "свергать тирана"! Мы просто пытаемся выжить!

— Ммм, а ты уверена, что твой муж в курсе этого плана? — хитро прищурился Василиус.

Я бросила взгляд через поляну, где Райнар как раз проводил тренировку для добровольцев. В основном это были крестьяне, никогда в жизни не державшие ничего опаснее вил, но в руках моего мужа даже самая неуклюжая деревенщина начинала выглядеть как потенциальный воин. Или хотя бы как кто-то, кто может указать врагу правильный конец меча.

— Райнар понимает, что сейчас не время для открытого восстания, — твёрдо сказала я, хотя сама в этом сомневалась. С каждым днём в его глазах я видела всё больше той холодной решимости, которая пугала меня даже больше, чем перспектива новой встречи с королевскими солдатами.

— Разумеется, понимает, — Василиус выгнул рыжую бровь с таким сарказмом, что им можно было резать металл. — Именно поэтому он учит фермеров махать мечами и отправляет разведчиков следить за передвижениями королевской армии. Всё это исключительно ради выживания, без сомнения.

Я вздохнула и вернулась к своим травам. Спорить с Василиусом было всё равно что пытаться переплыть океан — изнурительно и, в конечном счёте, бессмысленно.

Наше новое пристанище располагалось в старом лесу, достаточно далеко от основных дорог, чтобы не привлекать случайных путников, но достаточно близко к нескольким деревням, чтобы можно было пополнять запасы. Первоначальный план маленького, незаметного убежища разросся до полноценного лагеря с постами наблюдения, организованной структурой и даже чем-то вроде системы управления.

И сердцем этого странного, разношёрстного поселения, вопреки всем законам логики, оказалась я.

Нет, формально главным был Райнар — герцог, воин, стратег и, чего уж там, наследник престола, если мы все не погибнем в процессе. Но именно ко мне люди приходили со своими болезнями, травмами, проблемами и даже простыми бытовыми вопросами. Кажется, в глазах этих простых людей мой статус "ведьмы, которая на самом деле лекарь, которую спас герцог, восставший против тирана" делал меня кем-то вроде местной святой. Святой с дурным характером, острым языком и знанием таких подробностей человеческого тела, что мужчины краснели, а женщины хихикали, но всё же святой.

— Миледи, — раздался робкий голос, прерывая мои размышления.

Я повернулась и увидела Агнессу, мою верную помощницу, которая держала большую корзину, заполненную чем-то, подозрительно напоминающим свежий хлеб.

— Ещё подношения? — вздохнула я.

— Матушка Гвен испекла, — кивнула Агнесса. — Говорит, что это благодарность за то, что вы вылечили её колено. Она впервые за десять лет может ходить без палки!

Я невольно улыбнулась. Матушка Гвен была сварливой старухой с болями в суставах, которые я смогла облегчить с помощью мази из горчичного масла и отвара коры ивы. Ничего особенного, но здесь это казалось чудом.

— Хорошо, поставь к остальным запасам, — я махнула рукой в сторону недавно построенного навеса, где хранились продукты. — И проследи, чтобы хлеб равномерно распределили между всеми. Я не особенная.

— Но вы особенная, миледи, — возразила Агнесса с той искренней верой, которая была одновременно трогательной и пугающей. — Вы даёте людям надежду. И здоровье.

— И головную боль королю, — добавил Василиус, который, разумеется, не упустил возможности влезть в разговор. — Это, пожалуй, твоё главное достижение.

Агнесса, уже привыкшая к говорящему коту (что само по себе показывало, насколько странной стала моя жизнь), только хихикнула и отправилась выполнять поручение.

Я вернулась к своей работе, но мысли продолжали вертеться вокруг растущего лагеря и всех проблем, которые это влекло за собой. Больше людей означало больше шума, больше следов, больше костров — всё то, что делало нас заметнее для королевских патрулей. С другой стороны, больше людей означало больше рук для работы, больше умений, больше возможностей для создания чего-то... чего-то устойчивого.

Дождь начался внезапно, как это часто бывает в лесу. Не мелкая морось, а настоящий ливень, обрушившийся с тяжёлого серого неба, словно кто-то наверху решил провести генеральную уборку мира. Я поспешно собрала свои травы и укрылась под навесом, который служил мне лабораторией.

— Великолепно, — проворчала я, стряхивая капли с волос. — Теперь все мои сборы промокнут.

— Не только твои сборы, — сказал знакомый голос, от которого по спине всегда пробегали мурашки.

Я обернулась и увидела Райнара, промокшего до нитки, с волосами, прилипшими к лицу, и одеждой, облепившей его тело так, что я невольно сглотнула. Для человека, вымокшего под дождём, он выглядел непозволительно привлекательно.

— Тренировка отменяется? — Я попыталась звучать непринуждённо, но получилось не очень.

— Временно, — он стряхнул воду с плаща. — Хотя настоящий враг не станет ждать хорошей погоды.

— Ну разумеется, — я закатила глаза. — Потому что реальные сражения всегда происходят под проливным дождём, в грязи по колено, и желательно в полночь. Очень героично и совершенно непрактично.

Вместо ответа он только улыбнулся той своей особенной полуулыбкой, от которой у меня всегда что-то переворачивалось внутри. Затем подошёл ближе, снял насквозь промокший плащ и набросил его на вешалку, которую кто-то из деревенских плотников соорудил для моей лаборатории.

— Ты промокла, — заметил он, глядя на меня с нежностью, которая всегда казалась мне удивительной в этом суровом воине.

— Блестящее наблюдение, мой герцог, — съязвила я. — Следующим открытием будет то, что вода мокрая?

Он рассмеялся, и звук его смеха был лучшим лекарством от всех моих тревог.

— Тебе нужно переодеться, — сказал он, приблизившись ещё на шаг. — В мокрой одежде легко простудиться.

— Говорит человек, с которого вода течёт ручьями, — парировала я, но внутри уже разливалось тепло от его близости.

Он подошёл вплотную, и я почувствовала жар его тела даже сквозь мокрую одежду. Его рука коснулась моей щеки, убирая прилипшую прядь волос.

— Я могу помочь тебе согреться, — его голос стал ниже, интимнее, посылая волну дрожи по моему телу.

— Прямо здесь? В моей лаборатории? — Я пыталась звучать возмущённо, но получалось плохо. — Среди трав и горшочков с плесенью?

— Именно это делает тебя такой неотразимой, — промурлыкал он, наклоняясь к моему уху. — Твой запах трав и снадобий. Твоя магия исцеления.

— Это не магия, это знания, — автоматически поправила я, но мой протест потонул в его поцелуе.

Его губы были тёплыми, несмотря на холодный дождь, и требовательными. Я отвечала с не меньшим пылом, обвивая руками его шею, чувствуя, как мокрая ткань наших одежд прилипает к телу, создавая странное, но возбуждающее ощущение.

— Миле... ой! — голос Агнессы, внезапно ворвавшийся в наш маленький интимный мир, заставил нас отпрыгнуть друг от друга, как нашкодивших подростков. — Простите! Я не хотела... я просто... там...

— Что случилось, Агнесса? — спросил Райнар, мгновенно преображаясь из страстного любовника в собранного военачальника.

— Новые люди прибыли, милорд, — выпалила девушка, старательно глядя в пол, а не на нас. — Целая семья торговцев с повозкой товаров. Говорят, что бегут из столицы, потому что король ввёл новые непомерные налоги. Они... они спрашивают о "герцоге-мятежнике и его жене-лекаре".

Я обменялась взглядами с Райнаром. В его глазах читалась та же тревога, что испытывала я.

— Проверьте их, — приказал он. — Никаких контактов со мной или с Вайнерис, пока мы не убедимся, что это не ловушка.

Агнесса кивнула и выскочила под дождь, явно радуясь возможности сбежать от неловкой ситуации.

— Это становится проблемой, — я покачала головой, когда мы остались одни. — Люди рассказывают о нас, распространяют слухи. Скоро весь мир будет знать, где искать "герцога-мятежника и его жену-лекаря".

Райнар задумчиво кивнул, его лицо приобрело то выражение сосредоточенности, которое я так хорошо знала.

— Возможно, это не так уж плохо, — медленно сказал он. — Люди нуждаются в символах. В героях. Король теряет поддержку, особенно среди простого народа. Каждый человек, который приходит к нам, — это человек, который больше не на его стороне.

— Символы имеют неприятную тенденцию становиться мишенями, — возразила я. — И я, знаешь ли, не горю желанием повторять опыт с костром.

Тень прошла по его лицу при упоминании о моей несостоявшейся казни.

— Этого больше не случится, — в его голосе была сталь. — Я скорее сожгу весь мир.

— Давай обойдёмся без сожжения чего-либо, хорошо? — Я попыталась разрядить атмосферу. — У меня от дыма начинается кашель.

Он улыбнулся, но я видела, что тревога не покинула его глаз. Райнар всегда был стратегом, человеком, просчитывающим последствия на много ходов вперёд. И я знала, что сейчас в его голове крутятся планы и сценарии, большинство из которых заканчивались кровью.

— Пойдём в нашу хижину, — сказал он, протягивая мне руку. — Дождь не прекратится в ближайшее время, а ты дрожишь.

Я только сейчас осознала, что действительно замёрзла в мокрой одежде. Кивнув, я позволила ему вывести меня под дождь, и мы быстро пересекли поляну, направляясь к нашему новому жилищу.

Назвать это строение "хижиной" было бы слишком щедро — скорее, лачуга, наспех сколоченная из брёвен и веток. Но внутри было сухо, был очаг, над которым деревенский гончар даже умудрился соорудить примитивный дымоход, и была постель из свежего сена, накрытого шкурами.

Как только дверь за нами закрылась, Райнар начал разжигать огонь в очаге. Его движения были уверенными и экономными, как у человека, привыкшего к походной жизни. Я наблюдала за ним, чувствуя странное умиротворение, несмотря на все тревоги дня.

— Ты должна переодеться, — сказал он, когда первые языки пламени заплясали среди поленьев. — Твоя одежда насквозь промокла.

— А твоя, значит, сухая? — Я подняла бровь, глядя на его рубашку, прилипшую к торсу как вторая кожа.

— Я привык к походным условиям, — он пожал плечами с той небрежной грацией, которая всегда заставляла меня на мгновение забыть, как дышать. — Ты — нет.

— Не забывай, что ты разговариваешь с женщиной, которая провела множество бессонных ночей, ухаживая за больными, — я скрестила руки на груди. — Поверь, я видела условия хуже, чем мокрая одежда.

Его глаза смягчились, в них появилось то выражение, которое предназначалось только для меня — смесь восхищения, нежности и ещё чего-то, что я не всегда могла распознать, но что заставляло моё сердце биться чаще.

— Ты самая удивительная женщина, которую я когда-либо встречал, — тихо сказал он. — Ты изменила меня, Вайнерис. Ты заставила меня увидеть мир иначе.

Что-то в его тоне заставило меня замереть. Это не были пустые слова или обычная романтическая болтовня. Это было признание, идущее из самой глубины его существа.

— Райнар, — я не знала, что сказать. Никогда, даже в самых смелых мечтах, я не могла представить, что буду так важна для кого-то, особенно для человека такой силы и благородства.

Он опустился на колени перед очагом и жестом пригласил меня сесть рядом. Я подчинилась, чувствуя, как тепло огня начинает проникать сквозь мокрую одежду, согревая замёрзшую кожу.

— Я расскажу тебе историю, — сказал он, глядя на пламя. — Историю из моего детства. Я молча кивнула, замороженная его профилем в танцующих отсветах огня.

— Когда мне было семь лет, — начал он, — мой отец взял меня и брата на охоту. Это была традиция, своего рода обряд для детей знати. Мой брат, которому тогда было десять, был в восторге. Он мечтал убить своего первого оленя, заслужить похвалу отца. А я... — он сделал паузу, и я увидела, как что-то мелькнуло в его глазах, — я боялся. Не охоты, не оружия. Я боялся разочаровать отца.

Он подбросил ещё одно полено в огонь, и искры взметнулись вверх, как крошечные светлячки.

— В тот день пошёл дождь, точно как сегодня. Внезапный ливень, превративший лесные тропы в потоки грязи. Мы укрылись под огромным дубом, но вода всё равно добиралась до нас сквозь ветви. Я промок до нитки и дрожал, не столько от холода, сколько от страха. И тогда отец... — его голос стал мягче, — отец снял свой плащ, единственную сухую вещь, которая у него была, и укутал меня. "Защищай тех, кто слабее," — сказал он. Это был единственный раз, когда я видел в нём не сурового правителя, а просто отца.

Я молча слушала, понимая, что он делится чем-то глубоко личным, чем-то, что сформировало его как человека.

— На следующий день мой брат убил своего первого оленя, — продолжил Райнар. — Отец был горд. А я... я спас раненого волчонка, которого нашёл в кустах. Спрятал его в своей куртке и тайком принёс в замок. Конечно, меня поймали, и отец был в ярости. "Герцоги не проявляют слабость," — кричал он. "Герцоги не спасают волков! Оставь эту мягкость лекарям и женщинам!"

Райнар повернулся ко мне, и в его глазах я увидела отражение давней боли.

— В ту ночь я поклялся себе, что никогда не стану таким, как мой отец или брат. Что всегда буду защищать слабых, даже если это сделает меня "недостойным" моего титула. Но потом... — он взял мою руку, его пальцы были тёплыми и сильными, — потом появилась ты. Женщина, которая исцеляет, а не разрушает. Которая спасает, а не убивает. И я понял, что сострадание — это не слабость. Это сила.

Я сжала его руку, чувствуя, как внутри разливается тепло, не имеющее ничего общего с огнём в очаге.

— Ты будешь великим человеком, Райнар, — тихо сказала я. — Не потому, что ты умеешь сражаться или командовать воинами. А потому, что ты умеешь сострадать. И это редкий дар.

Он поднёс мою руку к губам и нежно поцеловал.

— Только рядом с тобой я могу быть таким, — прошептал он. — Только ты видишь во мне не просто герцога.

В этот момент, сидя в примитивной хижине посреди леса, согревшаяся у огня, с дикой шевелюрой и в одежде, которая видала лучшие дни, я чувствовала себя настоящей королевой. Не из-за титула или власти, а из-за любви этого человека, который видел во мне нечто большее, чем я сама когда-либо видела.

Дождь усилился, его капли барабанили по крыше нашего убежища, создавая странную, но уютную мелодию. Я придвинулась ближе к Райнару, опустив голову на его плечо, и позволила себе на мгновение забыть о всех опасностях, о королевских солдатах, о растущем лагере со всеми его проблемами.

— Кстати, о новых людях, — я вспомнила кое-что важное, — как ты думаешь, мы сможем разместить всех? Лагерь растёт каждый день.

Райнар кивнул, его подбородок слегка задел мою макушку.

— Я уже поручил людям строить укрытия, — Райнар хмуро кивнул. — Но без запасов они не помогут. С этим труднее.

— Чем больше нас здесь, тем заметнее следы, — я с тревогой посмотрела на дверь. — И запасы не бесконечны.

— Поэтому нам нужны люди, готовые помогать продовольствием, — Райнар устало потёр переносицу. — Без него я никого не защищу.

— Тогда сначала продовольствие и безопасные тропы, — потребовала я, сжимая его руку. — А уже потом красивые речи.

— Договорились, — он крепче переплёл наши пальцы. — С голодной армией я знаком. Вторую собирать не хочу.

Я подняла голову и встретила с ним взглядом.

— Что ты на самом деле планируешь, Райнар?

Он не отвёл глаз, и я увидела в них ту спокойную решимость, которая всегда была его сутью.

— Я планирую выжить, — просто ответил он. — Я планирую защитить тебя и всех этих людей, которые доверились нам. Создать место, где ты сможешь лечить без страха, где знания будут ценить, а не бояться.

— А если для этого придётся противостоять твоему брату? — тихо спросила я.

Он помолчал, глядя на огонь.

— Тогда я сделаю то, что должен. Не ради власти или трона, а ради людей.

Я хотела возразить, сказать, что мы не можем рисковать жизнями этих людей, которые доверились нам. Но слова застряли в горле, потому что в глубине души я знала: он прав. Мир, в котором невежество правит с помощью страха, нуждается в изменениях. И, возможно, мы были именно теми, кто мог эти изменения принести.

— Тогда нам нужен план, — наконец сказала я. — Настоящий план, а не просто обучение фермеров размахивать мечами.

Его глаза вспыхнули, и на губах появилась та самая улыбка, которая всегда предвещала что-то одновременно ужасное и великолепное.

— У меня есть несколько идей, — сказал он. — Но сначала...

Он не закончил фразу, вместо этого наклонившись и захватив мои губы в поцелуй, который мгновенно заставил меня забыть о планах, стратегиях и даже о мокром платье, которое теперь сохло у огня.

За окном дождь продолжал лить, смывая следы нашего растущего лагеря, скрывая нас от глаз врагов. А внутри нашей маленькой хижины разгорался огонь — в очаге и между нами. И в тот момент я была готова поверить, что мы действительно можем изменить этот мир.

## Глава 4

Я ненавижу быть правой в плохих прогнозах. Это профессиональная особенность любого лекаря: вы видите симптомы, ставите диагноз и молитесь, чтобы ошибиться. Но, к сожалению, опыт слишком часто делает вас точным в таких вещах.

Наутро заболел один из охотников, недавно ходивший в ближайшую деревню за солью. Высокая температура, боли в животе, сыпь на груди — картина тревожно напоминала брюшной тиф. Без посева крови я не могла подтвердить возбудителя. Но отделить больного от остальных и проверить воду могла уже сейчас.

— Я умру? — спросил он, глядя на меня лихорадочно блестящими глазами. Его звали Томас, и ему было едва за двадцать — слишком молод, чтобы задавать такие вопросы с таким смирением в голосе.

— Нет, если я смогу это предотвратить, — твёрдо ответила я, накладывая на его лоб прохладный компресс. — А я собираюсь сделать всё, что в моих силах.

— Я верю вам, миледи, — прошептал он, слабо улыбнувшись. — Все говорят, что вы творите чудеса.

"Если бы я могла творить чудеса, я бы уже избавила мир от всех болезней", — подумала я, но вслух сказала:

— Отдыхай и пей много воды. Я приготовлю для тебя лекарство.

Выйдя из карантинной хижины, я тщательно вымыла руки в растворе, который приготовила из спирта и трав с противогнилостными свойствами. Не идеально, но лучше, чем ничего.

К вечеру у нас было уже трое больных. На следующее утро — семеро. Райнар организовал полную изоляцию карантинной зоны, запретив всем, кроме меня и моих обученных помощников, приближаться к ней. Остальным жителям лагеря было приказано кипятить всю воду и тщательно мыть руки перед едой.

Я работала не покладая рук, пытаюсь придумать, как увеличить производство моего примитивного лекарства. Проблема была не только в количестве, но и в силе: чтобы быть эффективным, моё снадобье должно было быть достаточно крепким, а мои самодельные методы не позволяли достичь нужной чистоты.

Вторую ночь я провела без сна, сидя у стола в своей лаборатории, окружённая горшочками с плесенью и записями. Мои глаза горели от усталости, а разум отказывался работать с прежней ясностью.

— Ты убьёшь себя раньше, чем спасёшь всех остальных, — раздался голос Райнара.

Я подняла взгляд и увидела его, стоящего в дверях с кружкой в руках. Его волосы были взъерошены, а на щеке виднелась складка от подушки — очевидно, он тоже только что проснулся.

— Не могу спать, — я потёрла глаза. — Каждый раз, когда закрываю глаза, вижу этого мальчика, Томаса, и думаю: что, если я не успею? Что, если он умрёт просто потому, что я не смогла сделать достаточно сильное лекарство?

Райнар подошёл ко мне, поставил кружку на стол и начал массировать мои плечи. Его сильные пальцы разминали напряжённые мышцы, и я невольно застонала от облегчения.

— Ты не можешь спасти всех, — тихо сказал он. — Никто не может. Но ты спасёшь многих. Ты уже делаешь больше, чем кто-либо другой мог бы.

— Этого недостаточно, — я покачала головой, но не отстранилась от его успокаивающих рук. — Я целительница, Райнар. Я посвятила свою жизнь помощи тем, кто в этом нуждается. А сейчас нуждаются многие, и я...

— И ты сделаешь всё, что в твоих силах, — он наклонился и легко поцеловал меня в макушку. — Но для этого тебе нужны силы. Выпей чай и хотя бы немного отдохни.

Я взяла кружку, вдыхая ароматный пар. Это был не обычный горький отвар, а что-то с мёдом и травами, которые я сама собирала для успокоения нервов.

— Ты запомнил рецепт? — удивилась я, отпивая глоток.

— Я запоминаю всё, что касается тебя, — просто ответил он, и в его голосе была такая искренность, что моё сердце сжалось.

Мы сидели в тишине некоторое время, его руки продолжали массировать мои плечи, а я пила чай, чувствуя, как тепло разливается по телу, смягчая острые углы тревоги.

— Ты справишься, — сказал Райнар, когда я допила чай. — Ты всегда справляешься.

— Откуда такая уверенность? — Я откинула голову назад, глядя на него снизу вверх.

— Потому что я никогда не встречал никого сильнее тебя, — он наклонился и нежно поцеловал меня в лоб. — А теперь идём. Хотя бы час сна.

Я хотела возразить, но моё тело предательски отозвалось на слово "сон" волной усталости. Кивнув, я позволила ему отвести меня в нашу хижину, где рухнула на постель, даже не раздеваясь. Последнее, что я помню, — его руки, укрывающие меня одеялом, и шёпот: "Отдыхай, моя храбрая лекарь".

Проснулась я от громкого стука в дверь. Солнце уже высоко стояло в небе — я проспала не час, а несколько.

— Миледи! — голос Агнессы звенел от возбуждения. — Миледи, вставайте! Томасу лучше!

Я вскочила, сон как рукой сняло. Быстро сполоснув лицо водой из кувшина, я выбежала из хижины. Райнара не было видно — вероятно, он уже был занят делами лагеря.

В карантинной зоне меня ждало настоящее чудо: Томас, который ещё вчера метался в лихорадке, сидел на своей лежанке и с аппетитом ел бульон. Его лицо всё ещё было бледным, но глаза больше не горели болезненным блеском.

— Как ты себя чувствуешь? — Я тут же начала осмотр: пульс, температура, реакция зрачков.

— Будто меня переехала телега, миледи, — слабо улыбнулся он. — Но уже не чувствую, что умираю.

Я проверила его живот — болезненность значительно уменьшилась. Сыпь начала бледнеть. Это было... невероятно.

— Что произошло? — Я повернулась к Агнессе, которая сияла как начищенная монета. — Что ты ему дала?

— Только то, что вы сказали, миледи, — ответила она. — Отвар из трав для снятия жара, много воды и... и ту зелёную мазь, что вы велели наносить на язвы.

Зелёная мазь... Мой экстракт! Я уже давала его внутрь, но эта партия предназначалась для наружного применения. Слишком хотелось увидеть в улучшении доказательство своей правоты — и именно поэтому следовало остановиться и проверить всё ещё раз.

— Он... он проглотил немного? — осторожно спросила я.

Агнесса виновато опустила глаза.

— Он был в бреду, миледи. Когда я намазывала его губы, он начал облизывать их и... я не смогла его остановить.

Я проверила записи: когда менялся жар, сколько он пил, какие средства получал. Улучшение было настоящим. Причину ещё предстояло понять. Ошибку помощницы нельзя превращать в торжественную научную теорию только потому, что пациенту повезло.

— Хорошо, что ты сказала, — я сжала руку девушки, чувствуя, как та дрожит. — Но мазь не дают глотать. Принеси сосуд и записи, проверим состав. Для приёма внутрь у нас другая партия, и назначать её буду я.

До вечера мы разбирали записи и проверяли запас. Годный экстракт я разделила на подписанные порции; всё сомнительное велела убрать. Никаких новых опытов над семьёй изму-

ченными людьми. Здесь я могла опираться лишь на уже наблюдавшееся действие местного препарата, чистую воду, уход и частые осмотры. Не на уверенность женщины, которой отчаянно хотелось победить.

Первые результаты превзошли все ожидания. В последующие дни пятеро из семи больных показали явные признаки улучшения. К концу недели все семеро были на пути к выздоровлению. За это время новых случаев не выявили. Райнар следил за водой и санитарными правилами; наблюдение за остальными мы продолжали.

Это была победа. Маленькая, локальная, но всё же победа над болезнью, которая веками косила людей в этом мире.

Когда последний пациент был переведён из критического состояния в стабильное, я наконец позволила себе выдохнуть. Стоя у входа в карантинную зону, я смотрела на закат, окрашивающий небо в оттенки розового и золотого. Впервые за многие дни я чувствовала не тревогу, а удовлетворение.

— Я же говорил, что ты справишься, — голос Райнара заставил меня обернуться.

Он стоял в нескольких шагах от меня, гордость и восхищение светились в его глазах.

— Мы справились, — поправила я. — Без твоей организации карантина, без твоей поддержки... — Я покачала головой. — Один лекарь не может победить эпидемию. Нужна команда.

— И ты создала её, — он подошёл ближе, остановившись на расстоянии вытянутой руки. — Ты обучила людей, показала им, что делать. Ты дала им надежду.

Я хотела возразить, сказать, что это была просто удача, что я всего лишь применяла накопленные знания, но его взгляд остановил меня. В его глазах я была героиней, и в этот момент я почти поверила в это.

— Что дальше? — спросил он, протягивая мне руку.

Я вложила свою ладонь в его, чувствуя знакомое тепло и силу.

— Дальше мы должны помочь городу, — твёрдо сказала я. — Мы не можем просто сидеть здесь, зная, что там люди умирают от болезни, для которой у нас есть лекарство.

Он кивнул, не выглядя удивлённым.

— Я знал, что ты это скажешь. И я уже думал над тем, как мы можем это сделать.

Конечно, он думал. Мой стратег, мой воин, мой герцог.

— Но сначала, — его голос стал ниже, интимнее, а в глазах появился тот особый блеск, который я так хорошо знала, — я думаю, ты заслуживаешь отдыха и... празднования твоего успеха.

Моё тело отозвалось на его тон и взгляд мгновенным жаром, разлившимся по венам. После стольких дней, проведённых в напряжении и тревоге, мысль о близости, о забвении в его объятиях была невероятно соблазнительной.

— Последний пациент только что заснул, — я бросила взгляд на хижину, где лежали выздоравливающие. — И Агнесса с ними...

— Тогда пойдём домой, — он взял меня за руку и повёл прочь от карантинной зоны, в сторону нашей хижины, которая в этот момент казалась самым желанным местом на земле.

Как только дверь за нами закрылась, Райнар притянул меня к себе с такой силой, что я на мгновение потеряла дыхание. Его губы нашли мои, поцелуй был глубоким, жадным, наполненным всем тем облегчением и радостью, которые мы оба чувствовали.

— Я так горжусь тобой, — прошептал он между поцелуями, его руки уже работали над завязками моего платья. — Ты спасла их всех. Ты настоящее чудо.

— Не чудо, — я задыхалась, помогая ему избавиться от рубашки. — Просто знания.

— Для этого мира — это чудо, — он оставил дорожку поцелуев от моей шеи к плечу, заставляя меня дрожать от предвкушения. — И ты — его создательница.

Я хотела ответить, сказать, что в других местах это обычное дело, что многие лекари делают то же самое каждый день. Но его руки, его губы, его тело, прижимающееся к моему, заставили все слова испариться. Остались только ощущения, только жар, только необходимость быть ближе, ещё ближе.

Он поднял меня на руки и отнёс к постели, осторожно опуская на свежие шкуры. В его глазах было столько эмоций — гордость, желание, нежность, — что у меня перехватило дыхание. В этот момент я чувствовала себя не просто желанной, а... обожествлённой.

Его руки скользили по моему телу, словно изучая каждый изгиб, каждую впадинку. Он опустился на колени перед постелью, притягивая меня к краю, и начал целовать внутреннюю сторону моих бёдер, медленно поднимаясь выше.

— Что ты делаешь? — Я запустила пальцы в его волосы, не зная, отстранить его или притянуть ближе.

— Поклоняюсь, — просто ответил он, его дыхание щекотало самые чувствительные участки моего тела. — Позволь мне.

И я позволила. Отдалась его губам, его языку, его рукам, каждому прикосновению, каждому движению. Это было как волна, нарастающая, сметающая всё на своём пути, пока не обрушилась, оставив меня дрожащей и задыхающейся.

Но он не остановился. Поднявшись, он присоединился ко мне на постели, накрыв моё тело своим, и наши движения стали единым ритмом, древним танцем, который никогда не устареет.

После, когда мы лежали переплетённые, наши тела покрытые тонкой плёнкой пота, я чувствовала удивительный покой. Все тревоги последних дней, все страхи, вся усталость — всё это отступило, оставив лишь тихую радость и умиротворение.

— О чём ты думаешь? — спросил Райнар, его пальцы лениво рисовали узоры на моей спине.

— О том, что мы победили. Не войну, но важную битву, — я положила голову на его грудь, слушая ровное биение его сердца. — И о том, что это только начало.

— Начало чего? — его рука скользнула выше, к моей шее, массируя напряжённые мышцы.

— Начало перемен, — я закрыла глаза, наслаждаясь его прикосновениями. — Этот мир... он может быть лучше. Здоровее. И мы можем помочь ему стать таким.

Он ничего не ответил, только крепче прижал меня к себе. Но я чувствовала его согласие в каждом движении, в каждом вздохе.

За окном ночь окутала лагерь, звёзды ярко сияли на чистом небе. Я думала о том, как далеко мы продвинулись с того дня, когда я чуть не сгорела на костре. И о том, как далеко нам ещё предстоит пройти.

Но сейчас, в этот момент, в этой хижине, в объятиях этого человека, я чувствовала, что всё возможно. Даже изменить целый мир.

## Глава 5

Знаете, что самое забавное в том, чтобы быть революционеркой поневоле? То, что твоя "революция" начинается с плесени, выращенной в старых горшочках, а заканчивается... впрочем, пока что она не закончилась, но если судить по тому, как быстро распространяются слухи о "чудесном зелёном лекарстве герцогини-ведьмы", я скоро стану легендой. Или мишенью. Или легендарной мишенью — что, согласитесь, звучит ещё хуже.

Я, Вайнерис, герцогиня в изгнании и нынешняя производительница самого популярного антибиотика в королевстве (хотя здесь его называют "волшебным зельем против гнили"), сидела в своей лаборатории и наблюдала, как Агнесса с энтузиазмом йорка, увидевшего белку, растирает плесень в ступке.

— Нет-нет-нет! — Я схватилась за голову, когда увидела, что она делает с моим драгоценным лекарством. — Не толки его, как картошку на пюре! Деликатно, словно это драгоценный камень!

— Но миледи, — Агнесса остановилась, глядя на меня с тем выражением преданного щенка, которое всегда заставляло меня чувствовать себя монстром, — раньше вы говорили энергично перемешивать.

— Ты права, я сама так показала, — я заставила себя опустить голос. — Плохо показала. Теперь работаем с каждой партией отдельно и ничего не смешиваем на глаз. Давай вместе ещё раз — здесь моя спешка никого не должна убить.

Василиус, восседающий на полке как рыжий падишах в своём гареме из банок с травами, фыркнул со звуком протекающего чайника.

— О да, точность в лесной хижине. Что дальше? Проверка качества по королевским стандартам? — Кот облизнул лапу с видом эксперта по целительству. — Может, стоит открыть филиал в столице? Прямо рядом с костром для ведьм, для удобства?

— Заткнись, рыжий критик, — буркнула я, отбирая у Агнессы ступку. — Лучше скажи, есть ли новости от наших "курьеров"?

Курьеры у нас были из тех, кто привык к дороге: торговцы, менестрели, бродячие монахи. Через проверенных людей мы передавали распоряжения об уходе, узнавали о новых больных, договаривались об осмотрах. Назначенное лекарство мог получить только обученный помощник для конкретного пациента. Даже такая сеть оставляла следы — и это тревожило меня сильнее, чем дурная слава.

— Вчера вернулся Пётр-торговец, — Василиус переложил хвост в более удобную позицию. — Говорит, что в Красном Камне его лекарство разлетелось быстрее, чем слухи о том, что королева носит накладные зубы. Все хотят этого "древнего снадобья".

— Королева носит накладные зубы? — удивилась Агнесса, прекратив терзать очередную порцию плесени.

— Это слух, девочка, — пояснил кот с терпением учителя, объясняющего что-то особенно тупому ученику. — Слухи по природе своей не обязаны соответствовать действительности. Главное, чтобы они были интересными.

— А вот слухи о нашем лекарстве соответствуют действительности, — я с удовлетворением посмотрела на аккуратные ряды горшочков, где зеленовато-серая плесень росла лучше сорняков после дождя. — И это прекрасно.

На самом деле, это было не просто прекрасно — это было триумфально. За две недели мои целебные снадобья спасли столько жизней, что я начинала чувствовать себя как святая покровительница больных, только с более острым языком и склонностью к саркастическим комментариям.

— Миледи, — в дверях появился Альд, капитан людей Райнара, здоровенный детина, который смотрел на меня с тем благоговением, с каким обычно смотрят на святые мощи. — Прибыли ещё двое с просьбой о лекарстве. Говорят, что у них в деревне заболели дети.

— Пришли сами или прислали? — деловито уточнила я, проверяя готовность очередной партии зелья.

— Сами пришли. Один плакал, говорил, что его дочке всего четыре года, и деревенский лекарь сказал, что ничего сделать нельзя, — ответил Альд, хмурясь.

Я почувствовала знакомое сжатие в груди. В этом мире такие дети просто умирали, а их родители молились богам, которые, судя по статистике, были на редкость глухими к подобным просьбам.

— Само лекарство пока не отдавай, — я встревоженно отставила горшочек. — Пусть расскажут симптомы. Решим, можно ли привести детей к осмотру или отправить к ним обученного помощника. А кипятить воду Агнесса покажет уже сейчас.

— Миледи добра, как святая, — пробормотал Альд, и я едва сдержалась, чтобы не зашипеть на него, как кошка.

Святая, как же. Святая, которая ругается хуже портового грузчика, когда у неё не получается нужная крепость настойки.

Когда Альд ушёл, я обнаружила, что Василиус сверлит меня взглядом жёлтых глаз.

— Что? — огрызнулась я.

— Ты слишком много отдаёшь, — сказал кот неожиданно серьёзно. — Скоро у нас не останется лекарства для собственных нужд.

— У нас нет больных, — возразила я.

— Пока нет. А что будет, если король пришлёт отряд с факелами? Будешь лечить ожоги настойкой ромашки? — Василиус раздражённо повёл хвостом.

Я хотела возразить, но промолчала. Уже одно движение посетителей выдавало лагерь; если солдаты придут следом за больными, никакая секретность рецепта нас не спасёт.

— Увеличим производство, — решила я. — Найдём больше подходящих ёмкостей, больше сырья.

— Или ограничим распространение, — предложил кот. — Иначе вся армия короля узнает, где искать источник "чудесного исцеления".

Агнесса, молчавшая всё это время, внезапно подняла голову.

— А что, если мы научим людей делать это самостоятельно? — робко предложила она. — Расскажем, как выращивать... эту плесень?

Я и Василиус уставились на неё, как на инопланетянина, заговорившего на древнегреческом.

— Девочка, — медленно произнёс кот, — ты только что предложила раскрыть самую охраняемую тайну нашего лагеря первому встречному крестьянину.

— Но если все будут знать, как это делать, то королю не нужно будет нас искать! — глаза Агнессы горели энтузиазмом первооткрывателя. — И больше людей смогут лечиться!

Я молчала, обдумывая её слова. С одной стороны, это было безумием — делиться знаниями, которые делали меня уникальной. С другой стороны...

— Ты знаешь, — медленно сказала я, — это не так уж и плохая идея.

Василиус издал звук, который можно было интерпретировать как кошачий эквивалент истерики.

— Вы оба сошли с ума! — воскликнул он. — Следующее, что вы предложите — это открыть школу целителей прямо на главной площади столицы!

— Хм, — я задумчиво потёрла подбородок, — а ведь это не такая уж плохая идея...

— ВАЙНЕРИС! — взвыл кот с такой силой, что несколько горшочков задрожало.

В этот момент дверь распахнулась, и в лабораторию ворвался Райнар, выглядящий так, словно только что проскакал полкоролевства. Его волосы растрепались, на щеке виднелся след от ветки, а в глазах плескалась такая тревога, что моё сердце пропустило удар.

— Что случилось? — Я мгновенно забыла о наших целительских дискуссиях.

— Королевские разведчики, — коротко бросил он. — Трое из них. Расспрашивают в деревнях о "странных людях в лесу" и "чудесных лекарствах".

Агнесса побледнела до цвета творога, Василиус выгнул спину дугой, а я почувствовала знакомое покалывание тревоги в крови.

— Как близко? — деловито спросила я, уже мысленно составляя список того, что нужно срочно собрать.

— Достаточно близко, чтобы беспокоиться, — Райнар подошёл ко мне, его руки опустились на мои плечи. — Но не настолько, чтобы паниковать. У нас есть время.

— Время на что? — спросила я, не скрывая тревоги.

— На то, чтобы исчезнуть, как туман на рассвете, — его улыбка была хищной. — Или на то, чтобы дать им то, что они ищут.

Я нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Ложный обоз, — Райнар прищурился, обдумывая маршрут. — Пусть сыщики гонятся за ящиками «чудотворца». Нам нужно выиграть несколько дней, а не убедить всё королевство.

Это было... на самом деле, это было гениально. Как всё, что придумывал мой муж, когда дело касалось стратегии.

— И где мы найдём этих актёров? — поинтересовалась я.

— У меня есть пара человек на примете, — самодовольно сказал он. — Бывшие менестрели. Они могут разыграть что угодно — от святых видений до встречи с говорящими животными.

— Эй! — возмутился Василиус. — Я не "животное", я высокоинтеллектуальное существо с широким кругозором!

— Ты кот, который умеет говорить и обладает нездоровой тягой к сарказму, — парировал Райнар. — В данном контексте это практически одно и то же.

Пока мужчины выясняли философские аспекты кошачьей природы, я лихорадочно думала о нашей операции по дезинформации.

— Нам нужны приманки для сыщиков, — сказала я, чувствуя, как неприятно стягивает затылок. — Запечатанные ящики, ложный маршрут. Но никто не получит поддельное лечение. Ни один больной.

— Тогда пусть везут ящики якобы с оборудованием, — Агнесса оживилась, но говорила осторожно. — А про лекарство только слух пустим. Покупателям скажут, что товар заказной и не продаётся.

Я кивнула, испытывая облегчение. Вот так — без чужого ребёнка, которому вместо помощи достанется окрашенная вода.

— Прекрасно, — кивнул Райнар. — Я сегодня же отправлю наших "актёров" с ложным обозом. Это должно отвлечь внимание хотя бы на несколько дней.

— А что нам делать? — спросила я.

— Нам? — он шагнул ближе, и в его глазах появился тот блеск, который всегда заставлял меня забывать о здравом смысле. — Нам продолжать спасать жизни. Только более осторожно.

Следующие несколько часов прошли в лихорадочной подготовке. В ящики уложили старую посуду, завернули её в солому, сверху поставили печати. Агнесса придумала историю о дорогом оборудовании для далёкого знахаря. Я ещё раз предупредила посыльных: лекарств не обещать, больных не принимать. Обман предназначался тем, кто искал нас с оружием.

К вечеру наши импровизированные актёры отправились в путь, унося с собой ящики с ненужной утварью и головы, набитые легендами о мифических знахарях. А мы... мы остались с нашими настоящими лекарствами и постоянно растущим списком людей, которые нуждались в помощи.

— Ты выглядишь усталой, — заметил Райнар, когда мы наконец остались одни в лаборатории.

— Я и есть усталая, — призналась я, откидываясь на стуле. — Создавать новые способы лечения оказалось утомительнее, чем я ожидала.

— Тогда пора отдохнуть, — он подошёл ко мне, протянул руку. — Завтра будет новый день, новые больные, новые проблемы. Но сегодня ты сделала достаточно.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.